

EROS &
THANATOS

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ВАЛЕРИЯ БОЧ- КОВА:

«К югу от Вирджинии»

«Медовый рай»

«Берлинская латунь»

«Харон»

«Коронация зверя»

«Брат мой Каин»

«Время воды»

«Обнаженная натура»

«Шесть тонн ванильного мороженого»

«Латгальский крест»

«Горгона»

«Возвращение в Эдем»

«Сады Казановы»

«Мужчины настоящие и другие,
которые так себе»

«Сердце и другие органы»

«Рисовальщик»

В А Л Е Р И Й
БОЧКОВ

ЛАТГАЛЬСКИЙ
КРЕСТ

Москва
ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM
2023

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Б86

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства «Флобериум»

Миссия «Флобериума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Бочков, В.

Б86 Латгальский крест / В. Бочков. — М.: Флобериум /
RUGRAM, 2023. — 322 с. — (Eros & Thanatos).

ISBN 978-5-521-90196-8

Город Кройцбург в Латгалии поделён рекой пополам: на восточной стороне — советский летный гарнизон, на западной — латыши. Обе стороны связывает любовь, вспыхнувшая между русским юношей и латышской девушкой. За спиной у обоих — ошибки и грехи отцов. Поэтому чувство современных Ромео и Джульетты оказывается прологом семейных трагедий. Герои сталкиваются с роком, который превращает жизнь обоих в крестный путь.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90196-8

© Валерий Бочков, текст, 2023
© Валерий Бочков,
иллюстрация на обложке, 2023
© Александр Кудрявцев,
дизайн обложки, 2020
© ООО «Флобериум», 2023
© RUGRAM, 2023

* * *

Если мне когда-нибудь удастся стать старым, то я вернусь сюда. Вернусь без карты, без компаса, буду спать на берегу озера или ручья, а утром, взобравшись на ближайший холм и оглядев округу, буду решать, какая из далей манит меня сегодня.

От солнца моя кожа станет медной, а волосы выгорят в белое. Небо будет синим, луга — бескрайними, леса — дремучими. В полях, где сейчас спеет рожь, я буду собирать ржавые гильзы и белые кости. Свои находки буду бережно складывать в старое солдатское одеяло, серое, из грубой шерсти. То самое, с трафаретной надписью «Из санчасти не выносить».

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Я запросто мог появиться на свет в военном городке под Херсоном — там заканчивал лётное училище мой отец, там он познакомился с мамой. Или в пряничном городке Ютербог, куда отец был направлен служить после училища. Кстати, именно там, на прусском востоке Германии, родился мой брат.

Спустя тринадцать месяцев родился я. Во многом благодаря беспечности родителей и стечению обстоятельств. Неблагоприятных обстоятельств — так, по крайней мере, считает он, мой брат. Сам я об этом стараюсь не думать, но определённая логика в его точке зрения есть безусловно.

Могу вообразить с какой неохотой родители оставляли этот Ютербог: на фотографиях цветущие вишни, из белой пены выглядывают черепичные крыши, дальше горбатый мост из дикого камня (кавалькада рыцарей с пышными плюмажами на стальных шлемах вот-вот должна появиться), внизу прыткая речка, за мостом, на взгорье, двуглавый готический собор втыкает шпили в безмятежное небо. Скупой протестантский минимализм — почти Лукас Кранах.

Фото чёрно-белое, но даже без цвета видно, как они были счастливы тогда. Мать — тихая улыбка одними глазами, бледное узкое лицо, воздушное платье, имитирующее клочок облака, она запросто могла сойти за ангела, если бы не кулёк в руках. В кульке — брат. Его не видно, но всем известно, что он там. Рядом отец — гордый и чуть растерянный, как и полагается молодому папаше. Чёткий профиль, подборонок, тугой зачёс назад, сигарета — всё в соответствии с эпохой. Сколько ему тут? Думаю, и двадцати пяти нет. На отце форма с новенькими погонами, ему только что при-

своими старшего лейтенанта. До моего рождения остаётся триста двадцать семь дней. Подсчитать несложно — на обороте фото есть дата. Написана она курсивом, с нажимом, фиолетовыми чернилами. Отец был изрядный каллиграф (природный дар, неутомимой практикой доведённый до идеала), папаша не смог удержаться и ниже дописал: «Семейство Краевских в полном составе». И в этой фразе есть свой скрытый смысл.

Отец хотел быть актёром, а стал военным лётчиком. В пятнадцать лет он убежал из дома с какой-то вполне зрелой артисткой из Московского театра оперетты. Его поймали в Харькове — труппа с триумфом гастролировала по Украине, москвичи показывали украинцам «Летучую мышь» — и вернули в столицу. Домой, в семью.

Отец отца, соответственно, мой дед, суровый старик с деревянной ногой — протез поскрипывал при ходьбе, тонко, будто весело посвистывал, — не выносил неповиновения и считал дисциплину главным достижением человеческой цивилизации. Ногу деду оторвало в Померании, буквально за четыре месяца до конца войны, когда в составе Первого Белорусского фронта он вёл на штурм города Линде свою стрелковую дивизию. Его наградили звездой Героя и отправили в отставку в чине генерал-лейтенанта.

Я ни разу не слышал его смеха. Раз в год, в мае, дед надевал парадный мундир со стоячим воротником, ватными плечами и широкой грудью, увешанной орденами в четыре ряда. Золотая Звезда висела особняком — высоко, почти у ключицы. Погоны с двумя выпуклыми звёздами были шиты золотой ниткой, сверкающей, как искры бенгальского огня. Мне страшно хотелось потрогать погоны, но я бы скорее умер, чем решился на это. Стоячий воротник с малиновым кантом тоже был вышит золотом. Мне тогда казалось, что мундир деда — одна из самых красивых вещей на свете.

Последний раз я видел парадный мундир на Новодевичьем кладбище. Был тёплый октябрь, конец бабьего лета. Пахло жёлтыми листьями и московской пылью, тёплой, с горьковатым привкусом копти. Дедову звезду Героя несли на красной подушке, за ней следовали подушки с други-

ми орденами, не такими важными. Кorteж замыкал гроб. Его поставили на чёрный подиум, накрыли крышкой и за чем-то крепко заколотили гвоздями. Звякнули ружейные затворы, солдаты дали залп, потом ещё один, и ещё. Потянуло кислым дымом, как от новогодних хлопушек. Через три дня мы вернулись домой, в Кройцбург.

В переводе с немецкого это значит крест-город. Или город креста. В тринадцатом веке, а именно в 1237 году, его основали крестоносцы. Немцы, вот ведь педантичный народ, выбрали название города и дату основания на каменной колонне, что и сейчас стоит на Рыночной площади.

У нас есть замок, окружённый крепостной стеной, часовня с подземным ходом, лютеранский костёл, древнее кладбище с каменными крестами — всё как полагается. Одно время в Кройцбурге располагалась резиденция Рижского епископа. Город переходил из рук в руки, после крестоносцев тут хозяйничали шведы, потом поляки. В середине шестнадцатого века Кройцбург заняли войска Ивана Грозного. А через двести лет в нашем замке, завершая триумфальную Польскую кампанию, останавливался полководец Суворов.

Сейчас в замке Дом офицеров — бильярдная, буфет, кинозал и библиотека. Библиотека крошечная, дужина полок по стенам и пара кресел в читальне, но все нужные книги там есть, даже Джек Лондон и «Три товарища» Ремарка. К тому же никому в голову не придёт искать тебя в библиотеке.

В комнате, где спал генералиссимус Суворов, теперь сидит майор Ершов, директор клуба, громкий и широкий коротышка с бабьим румянцем во всю щёку. Его жена, Ершиха, воображает себя светской дамой, скорее всего, французской, поскольку от природы картавит. По праздникам она натягивает на себя змеиное платье с глубоким вырезом — декольте, из которого пытаются выскочить её огромные, как пляжные мячи, сиськи. Искристая чешуя платья делает Ершиху похожей на жирную саламандру. Я их никогда не видел — саламандр, но мне почему-то кажется, что они выглядят именно так.

В бильярдной четыре стола с зелёным сукном, высокий потолок защит морёным дубом. Древесина почти чёрная, дубовые доски выдерживают под водой несколько лет — морят. Слово это мне напоминает Таню Мореву, я был в неё влюблён во втором классе. Потолок кажется низким, наверное, из-за того, что тёмный, на самом деле бильярдный зал высотой метра четыре. Дубовые панели и на стенах. На каждой стене по картине — огромные полотна в музейных бронзовых рамах, написанные местным художником-копистом: «Василий Тёркин. Солдаты на привале», «Подвиг Николая Гастелло», «Александр Матросов закрывает грудью амбразуру фашистского дота» и, разумеется, «Переход Суворова через Альпы».

Я люблю разглядывать картины, я и сам неплохо рисую, но не с натуры, а по воображению. Суворов на картине похож на ехидную старушонку, бравые гренадёры усаты и краснощёки. А вот фашист-пулемётчик напоминает Мефистофеля (отец здорово поёт его куплеты про «сатану, что правит бал»: в ванной акустика мировая, батин баритон звучит не хуже, чем на пластинке у Шалапина), у немца нос крючком, вроде клюва; хищные пули веером прошивают грудь советского героя. Лицо Матросова как из камня — такого пулями не возмёшь.

Самолёт Гастелло получился на пять: заклёпки на фюзеляже выпуклые, железные. Будто их действительно вбили в холст для пущего реализма. Но больше всего меня восхищает Тёркин, даже не он сам, а то, с каким мастерством художник нарисовал папиросу в руке солдата: рыжий огонёк так и горит — обжечься можно.

В бильярдной стоит густой мужской дух. Военный дух. Пахнет сапожной ваксой, одеколоном и табаком. Старый паркет скрипит под офицерскими каблуками, с треском сшибаются тяжёлые шары, на их желтоватых боках выгравированы цифры, шары эти выточены из настоящих слоновьих бивней. Лётчики немногословны, как и положено настоящим лётчикам. Тем более военным.

«Пятый — дулетом от борта в центр» или «Седьмой — в правый дальний» — эти слова звучат как тайные закли-

нения. Мой отец тоже играет; закусив сигарету, он щурится от дыма — душистые сигареты с золотым ободком присылают из Москвы моя бабка. Отец красив, он действительно мог бы стать актёром. Он эффектно нависает над зелёным столом, правая рука на отлёте. Его ладное тело упруго, он подобен натянутому луку: рука — тетива, кий — стрела, луза — цель.

— Восьмёрка — триплет в левый угол, — объявляет он.

— Триплет? — шелестит шёпот, зеваки окружают стол. Они сосредоточенно курят.

Удар хлёсткий и сильный, он звонок, как пистолетный выстрел. Шар, крутясь, несётся к борту, от него к другому.

— Флюк! — говорит кто-то.

— Эффе...

Шар подкатывается к угловой лузе, замирает на краю, но всё-таки соскальзывает вниз.

— Флюк... — повторяет тот же голос.

Отец усмехается, не отвечает. Со вкусом затягивается и выпускает дым тонкой струёй вверх, в тёмные дубовые панели. Зрители одобрительно бубнят.

Наступает моя очередь — я подлетаю к столу, выуживаю холодный увесистый шар из сетки и ставлю на полку отца. Шаров у нас уже четыре. На один больше, чем у чернобрового капитана со страшной фамилией Черепов. Отец никогда ему не проигрывал. Хотя капитан Черепов тоже играет мастерски.

2

Тем летом я едва не утонул. Такая формулировка «едва не утонул» осталась в моей памяти, на самом деле меня чуть не утопил мой брат. Ему уже исполнилось пятнадцать, я всё ещё застрял на четырнадцати.

Был полдень, конец июня, стояла жара. День начался с утра, чистого и пронзительного, как витражное стекло. Мы, человек шесть пацанов, ныряли с понтона. Эти понтоны ещё в войну использовали для наведения мостов — выстраивали цепочкой от берега до берега, сверху крепи-